

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

A.A. Гассиев

О коренных недостатках нынешнего обучения закону Божию

Опубликовано:

Христианское чтение. 1877. № 5-6. С. 645-658.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

О коренныхъ недостаткахъ нынѣшняго обученія Закону Божію

(преимущественно въ начальныхъ школахъ).

О разумномъ преподаваніи Закона Божія писано не особенно много, еще меньше — о начальномъ его преподаваніи. Между тѣмъ этотъ — съ дидактической и методической стороны весьма важный — предметъ представляетъ обширное поле для наблюдений и разсужденій.

По сознанію одного компетентнаго нѣмецкаго педагога, вопросъ о религіозномъ обученіи важенъ особенно потому, что представляетъ не легко разрѣшимую диллему. Диллема эта состоить въ слѣдующемъ: *все, чему учите, должно быть истолковано, объяснено ученикамъ и понято ими.* Всякое ученіе основано на естественномъ возбужденіи пониманія: въ этомъ заключается основной принципъ научной педагогіи. Осуществленіе или примѣненіе его въ дѣлѣ воспитанія предполагаетъ каждый разъ такую степень пониманія учащихся, которая соотвѣтствовала бы трудности предмета. Есть ли соотвѣтствіе между предметомъ Закона Божія и степенью пониманія дѣтей, которымъ предметъ этотъ долженъ быть сообщенъ? Конечно, нѣтъ. Предметъ этотъ не особенно доступенъ пониманію даже взрослыхъ. Между тѣмъ, ради важности своей, онъ долженъ быть усвоенъ дѣтьми въ пору живой воспріимчивости; нельзя откладывать преподаваніе его къ болѣе позднему времени. Что остается дѣлать? Требуется ускорить развитіе, т. е. сообщать дитятамъ о предметѣ раньше, чѣмъ духовное его развитіе будетъ соотвѣтствовать дѣйствительной трудности предмета. Въ этомъ заключается упомянутая выше диллема: преподавать рано — будетъ не понятно, не преподавать — послѣ окажется поздно.

Строго говоря, такова судьба всякаго школьнаго предмета; ускореніе развитія необходимо по существу обученія и даже составляеть одну изъ сторонъ воспитанія. Школа избѣгаеть этого затрудненія тѣмъ, что сначала сообщаетъ изъ науки то, что можетъ быть доступно дѣтскому пониманію, содержаніе чего можетъ быть воспринято незрѣлымъ дѣтскимъ умомъ. *И понятіе о Богѣ должно быть сообщаемо дѣтямъ такъ и настолько, какъ и насколько можетъ быть воспринято ими.* Это ведеть къ вопросу: можетъ ли законоучитель воспользоваться какими нибудь понятными сближеніями и точными данными, находящимися въ области дѣтскаго опыта и разумѣнія, чтобы быть въ состояніи действовать воспитательно на развивающуюся душу дитяти, чтобы сдѣлать преподаваніе свое соответствующимъ духу современной педагогіи и избѣгнуть такъ называемаго механизма (зубристики) въ обученіи? — *Можетъ.* Сближенія эти и данные лежать въ предѣлахъ дѣтскаго разумѣнія и опыта; ими законоучитель можетъ достигать, болѣе или менѣе полно, воспитательной цѣли, преслѣдуемой его предметомъ, или можетъ онъ пользоваться на всѣхъ ступеняхъ преподаванія — и при обученіи молитвамъ и при обученіи исторій съ истинами вѣры.

I. Молитва должна, конечно, исходить изъ глубины души. Слѣдовательно, содержаніе ея должно лечь глубоко на сердце. Безъ сознательности и чувства нѣть молитвы. Частнѣе говоря, она должна быть вполнѣ понятна, чтобы вызывала чувство. Безъ мысли — можетъ ли рождаться послѣднее? Слѣдовательно, безъ усвоенія уму не можетъ быть разумной передачи содержанія молитвы ученику.

Въ повседневныхъ молитвахъ нашей церкви содержится главнымъ образомъ двѣ мысли: 1) о благомъ Творцѣ и благомъ Промыслителѣ міра; 2) о величії Его. Первая мысль естественно вызываетъ въ человѣка чувство „благодарности“ и „любви“, вторая — чувство „благоговѣнія“, соединенное съ чувствомъ „страха Божія“. Въ молитвахъ не только содержатся эти мысли, но онъ главнымъ образомъ выражаютъ и самые чувства благодарности, любви, благоговѣнія и страха Божія. Теперь вопросъ состоить въ томъ, какими понятными сближеніями и точными данными дѣтскаго опыта

можеть воспользоваться законоучитель для того, чтобы сообщить, усвоить ученику эти мысли и вызвать въ немъ эти чувства?

И дикарь и образованный съ одинаковою необходимостю приходят къ заключенію о существованіи Творца міра. На всѣхъ ступеняхъ развитія представленіе человѣка о причинѣ, виповникѣ міра — религіозное, но не натурфилософское, т. е. оно указываетъ на личное Существо, а не на безличную, измышленную философами — причину, силу. Дитяти вполни доступно это религіозное представление о Творцѣ. Съ нимъ нераздѣльно представленіе о самомъ актѣ творенія и о нравственной его причинѣ. Причина эта указана въ біблії и состоять въ „любви Божіей“. Но законоучитель не долженъ пока прибѣгать къ бібліи. Онъ обращается къ даннымъ опыта. Дѣтамъ болѣе, чѣмъ взрослымъ, доступно живое чувство жизни и наслажденія жизнью; они смотрять на жизнь, какъ на пиръ, потому что не испытали еще горя, потому что съ самой колыбели ихъ окружаетъ любовь родителей, которые заботятся объ ихъ благополучії. И великий міръ Божій имъ представляется пиромъ жизни. Слѣдовательно, не въ этомъ ли состоять и цѣль творенія? Да, отвѣтило бы дитя, если бы оно понимало обороты ученаго языка. Цѣль эта предполагаетъ благожеланіе, а благожеланіе предполагаетъ любовь. Вы идете къ понятію о любви къ міру Творца міра.

Человѣкособраность пониманія — великая основа и великое средство нравственно-религіозного воспитанія. Устраните ее — и оно окажется совершенно не возможнымъ ни въ раннюю пору человѣческаго развитія, ни въ позднюю. Это вовсе не грубый антропоморфизмъ, представляющій духовное вещественнымъ, а истинно-нравственный и, слѣдовательно, истинно-религіозный способъ міросозерцанія. Что такое космогоническая, безличная причина — высшее существо, абсолютное, безграничное безъ представления личности — какъ не пустое слово? Было бы не простительною слабостю со стороны всякаго воспитателя, если бы онъ даже на высшихъ ступеняхъ развитія учащихся позволилъ себѣ объяснять имъ высочайшую религіозную проблемму съ натурфилософской точки зренія, или самъ сталъ на эту точку зренія.

Въ предѣлахъ того же дѣтскаго опыта данъ другой многозна-

менательный фактъ, обладающій глубокимъ религіознымъ значеніемъ. Умъ, не испорченный, какъ говорится, рефлексіей, естественно, невольно отдастся мысли, что любовь Творца міра къ созданіямъ видна не только въ дарованіи имъ жизни, но и въ самой обстановкѣ жизни, въ условіяхъ существованія твари. Еогъ помогаетъ и бѣдныи. Любовь Его расточаетъ пищу твари и сохраняетъ бытіе ея. Законоучитель можетъ воспользоваться фактами чередованія временъ года, зимней спячки животныхъ, отношенія состава атмосферы къ животному и растительному дыханію, и многими другими. Онъ можетъ воспользоваться прекрасными картинами вечернихъ псалмовъ. Короче, порядокъ, какимъ сохраняется жизнь разнообразныхъ созданій, приспособленность устройства ихъ организмовъ, силь и особенностей къ условіямъ ихъ существованія, если отдастъ естественному пониманію міра, невольно вызываютъ мысль о благомъ промыслѣ.

Пусть учитель вѣры употребить въ дѣло такое толкованіе фактовъ, данныхъ въ опытѣ каждого человѣка, а также и дѣтей. Если мы не захотимъ твердо обосноваться на этой объективной почвѣ или точкѣ зреянія, то какую прочность можетъ иметь наше религіозное воспитаніе при одной священной исторії?

Истинно-религіозное, искреннее чувство всегда находить свою пищу въ вышеуказанномъ воззрѣніи на природу. Благодаря ему, оно рождается въ каждомъ человѣкѣ съ *необходимостію причины и слѣдствія*, какъ объяснялъ еще „Апостолъ языковъ“: „Невидимое Божіе отъ созданія міра, если размышлять о твореніи, дѣлается видимымъ (т. е. приспособленная сила Божія и Божество)“.

Итакъ, чтобы содержаніе молитвы сдѣлать понятнымъ дѣтскому уму, чтобы это содержаніе вызывало чувство искреннее, живое и глубокое, при обученіи мы должны опираться на непосредственное воззрѣніе на міръ, какъ на твореніе благаго Творца. Въ этомъ случаѣ не даваемый въ опытѣ предметъ вѣры мы предносимъ сознанію дитяти, описываемъ его съ существенно-воспитательной, облагораживающей стороны—благодаря самому простому, элементарному процессу умозаключенія, и такимъ образомъ, вызываемъ въ дитяти самое глубокое и живое чувство молитвы—

благодарность и любовь за любовь. Молитва, исходящая изъ такого естественного источника, носить обще-религиозный характеръ, свойственный молитвѣ и христіанина и нехристіанина. Чувство, выражющееся въ ней, служить также основой и опорой религиознаго чувства, выражашагося въ молитвѣ съ догматическимъ содержаніемъ. Безъ первого непрочно и послѣднее.

Въ предѣлахъ дѣтскаго опыта и разумѣнія данъ третій фактъ, лежащій въ основѣ религиознаго чувства — „благоговѣніе“ предъ Божествомъ. Это чувство неразрывно связано съ понятіемъ о величіи Существа Божія. Возможенъ ли естественный путь возбужденія чувства благоговѣнія въ дитяти? Да, возможенъ. Взглядъ на природу какъ въ образованномъ человѣкѣ, такъ и въ дикарѣ, вызываетъ мысль о величіи Творца міра. Эта мысль вполнѣ доступна также дѣтскому разумѣнію. Безмѣрная сила, высшій разумъ, которые открываются въ сотвореніи міра и порядокъ теченія міровыхъ явлений, прямо даются или выводятся путемъ самаго простаго умозаключенія. Человѣческое пониманіе можетъ имѣть разныя направленія и разные способы восхожденія къ вышесказанному взгляду на актъ творенія, но *наглядный фактъ* — порядокъ міровыхъ явлений и *законъ* причинности всегда порождаютъ въ душѣ человѣка мысль о величіи и вызываютъ чувство благоговѣнія, если не истолковывать упомянутаго факта съ философскою тенденціею.

Очевидно, мысли и понятія, порождающіяся въ душѣ человѣка, при естественномъ непредвзятомъ разсмотриваніи природы, имѣютъ весьма важное значеніе при начальномъ обученіи. Поэтому съ самого начала, прежде чѣмъ приступить къ изыясненію молитвѣ и къ другимъ предметамъ ученія религиознаго, необходимо именно возбудить и укрепить ихъ многоразлично соединенными конкретными представлениями, содержаніе которыхъ составляютъ точныя данныя опыта.

II. Можно ли назвать правильнымъ съ методической стороны (следовательно правильнымъ и педагогически) способъ, какимъ излагается въ нашихъ учебникахъ ученіе вѣры? Способъ этотъ не педагогическій, всегда идущій аналитически, а научный или собственно синтетическій. Начинаютъ съ *определенія* (Богъ есть и пр.), и стремятся къ *описанию* качествъ Бого-

жихъ, *данныхъ въ определеніи*. Этого приема держатся и лучшіе учебники закона Божія. Онъ составляетъ главный недостатокъ *нашего начального обучения религії*. Держась его, законоучитель, послѣ сдѣланнаго насконо общаго опредѣленія занимается выясненіемъ и опредѣленіемъ „свойствъ“. Между тѣмъ въ педагогическомъ отношеніи имѣть небольшую важность истолкованіе, объясненіе понятія, заключающагося въ словѣ „Богъ“ (ибо это истолкованіе всегда оказывается блѣднымъ и не укрѣпляется даже въ „механической памяти“ учащагося) и признаковъ этого понятія, и напротивъ чрезвычайно важно, въ воспитательномъ отношеніи, возбужденіе или естественное самозарожденіе ясной религіозной идеи или вѣры въ высшее существо Творца міра, и укрѣпленіе этой идеи многоразлично-силетенными частными представлениами о томъ, что лежитъ въ предѣлахъ самого опыта дитяти. Объясненіе первого рода сопровождается слабымъ чувствомъ, а иногда и никакимъ, такъ какъ душа дитяти бываетъ занята признаками сообщаемаго представлени; объясненіе втораго рода, напротивъ, сопровождается глубокимъ религіознымъ чувствованіемъ. И понятно: первое объясненіе поверхностно, мало имѣть связи съ *опытными данными и конкретными явленіями*, а *объясняетъ* главнымъ образомъ слова, второе вытекаетъ и связано съ отдельными представлениами, усвоеніе которыхъ легко по конкретности и раздѣльности ихъ содержанія. Тамъ объясняется полная идея о Богѣ, здѣсь *только то*, что доступно дѣтскому пониманію путемъ естественныхъ сближеній и (прочно залегающаго въ душѣ) уясненія данныхъ опыта самого дитяти; тамъ сразу сообщается понятіе, здѣсь оно *создается* и постепенно *развивается* по отдельнымъ его сторонамъ, путемъ наблюденія того, что доступно глазу и вообще вѣнчальному чувству. Отсюда-то именно и происходитъ или отъ этого именно зависить слабое вліяніе на религіозно-нравственное воспитаніе юношества нашего начального обучения вѣрѣ. Кратко сказать, обученіе это не основано на *законахъ естественного развитія душевной жизни и на вытекающихъ изъ нихъ законахъ воспитанія и обучения*, — а известно, что ни то ни другое не можетъ идти успѣшно, не держась строго *этихъ законовъ*.

Здѣсь намъ представляется одно частное *возраженіе*. Какъ смотрѣть, при такомъ требованіи обученія *естественнаго*, на тотъ фактъ, что школа дѣлаеть изъ ученія вѣры (напр. въ повседневномъ молитво-возношеніи и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ) употребленіе *раньше*, чѣмъ начинаются ея наставленія, объясненія вѣры? Отвѣтъ:—просто какъ на *обычай*, идущій отъ семьи и отъ взрослыхъ. *Это не снимаетъ съ воспитателя—законоучителя обязанности* вести дѣло религіознаго воспитанія путемъ естественнаго развитія духовной природы дитяти. Онъ начинаетъ съ самаго начала, желая или стремясь развить въ ребенка внутренно-сознательно то, что имъ *перенято* какъ обычай, по подражанію. Это замѣчаніе относится и вообще къ обученію. Дѣти любятъ родителей, почитаютъ старшихъ, ходятъ въ церковь и перенимаютъ, по подражанію имъ, многое другое: развѣ школа, выполняя воспитательную задачу *въ согласіи съ требованиями истиннаго образованія*, не занимается уясненіемъ и укрѣпленіемъ того, что сдѣлала (хорошаго) семья! Ей собственно рѣдко приходится продолжать, а большую часть виѣствъ и начинать, и продолжать, и оканчивать. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, она всетаки уясняетъ и развиваетъ нравственно-религіозные задатки, положенные семьей. Въ силу этого обстоятельства, и въ самой школѣ можетъ существовать и по необходимости должно быть терпимо до времени, а въ кое-чмъ даже навсегда, *дѣйствіе подражанія или обычая на иитомца.*

Нравственно-религіозное обученіе имѣетъ двоякій ходъ или двѣ стороны: (въ началѣ особенно) оно основано на дѣйствіи подражанія и направлено на сообщеніе дитяти виѣшнихъ знаковъ или наружной стороны религії, послѣ оно основывается и должно быть основано на постепенномъ развитіи нравственно-религіозныхъ задатковъ. Фактъ, что и вообще духовное образование человѣка идетъ такимъ смѣшаннымъ путемъ, подражаніемъ и естественнымъ развитіемъ. Даже наукѣ приходится уяснять многія понятія въ послѣдовательномъ и естественномъ порядкѣ именно *уже послѣ того*, какъ они раньше сообщены людьми, окружающими дитя, и вѣсма часто послѣ безсознательного усвоенія ихъ дѣтьми, въ силу вѣры въ пониманіе старшихъ, не исключая и *нынѣ*. Здѣсь действуютъ

на умственное воспитание и образование детей понятий другихъ, перенимаемых по вѣрѣ, тамъ действуетъ на нравственно-религиозное воспитаніе ихъ большую частію обычай другихъ. Въ одномъ случаѣ дитя водится вѣрою, въ другомъ подражаніемъ. Рассказываетъ о домовыхъ и русалкахъ бабушка, вѣритъ ей и разсказываетъ также дитя. Молятся *папа* и *мама*—молится и дитя.

III. Мы поставили бы въ такомъ порядке первые уроки Закона Божія.—*Первая ступень*. Подборъ фактовъ для уясненія *закона* причины и слѣдствія въ отдѣльныхъ явленіяхъ природы. Переходъ къ понятію о Богѣ, какъ причинѣ міра. Подборъ фактовъ, въ которыхъ проявляется любовь и промышленіе Божіе о тваряхъ, о продолженіи ихъ жизни и удовлетвореніи ихъ жизненнымъ потребностямъ. Переходъ къ понятію о Богѣ—любви.—*Вторая ступень*. Подборъ фактовъ, указывающихъ на мудрое устройство міра и величие создавшѣй его силы. Отсюда переходъ къ понятію о всемудромъ Существѣ и о величіи Божіемъ.—*Третья ступень*. Сходство между отношеніемъ къ міру Творца (любовь, промыслъ) и отношеніями людей другъ къ другу. Элементарное понятіе о Законѣ Божіемъ, въ связи съ послѣдствіями, вытекающими изъ сообщеннаго. Элементарное понятіе о грѣхѣ, о благодати и о молитвѣ.—*Четвертая ступень*. Изъясненіе молитвъ съ общерелигиознымъ характеромъ: „Отче нашъ“, „Царю небесному“. Вообще на этой ступени можно объяснять всѣ тѣ молитвы и пѣснопѣнія, въ которыхъ неѣтъ христіанско-догматического содержанія.

IV. После того, какъ естественно возбуждены, развиты и укреплены въ дѣтяхъ религиозная мысль и религиозное чувство, законоучитель переходитъ къ догматическому вѣроученію. Какъ на предыдущей ступени онъ опирался на естественное рассматриваніе явленій міра, такъ здѣсь онъ опирается на *факты истории*. Предыдущая ступень содѣйствовала развитію и обоснованію въ душѣ дитяти вѣры въ Божество (Его благость, мудрость, величіе), *которая необходима для вѣры въ факты библейской истории.*

Священная история преимущественно предъ всѣми школьными предметами должна содѣйствовать нравственно-религиозному воспита-

нію, и самая цѣль ея преподаванія главнымъ образомъ воспитательная. Исторіи разныхъ народовъ входятъ въ составъ всеобщей исторіи,—только для исторіи еврейскаго народа сдѣлано исключеніе, потому что исторія евреевъ—исторія „царства Божія“, исторія истинной религіи. Какъ преподаваніе вообще религіи преслѣдуется цѣль преимущественно воспитательную, такъ и преподаваніе исторіи, особенно въ начальной школѣ, преслѣдуетъ ту же цѣль. Именно, она должна *раскрыть въ отдельныхъ фактахъ предъ сознаниемъ дитяти* идею Бога и промысла Божія о мірѣ и людяхъ, чтобы *такимъ образомъ какъ можно глубже укоренить въ немъ*. Такова задача изученія и преподаванія свящ. исторіи въ начальной и даже отчасти въ высшей школѣ. Какъ наша школа выполняетъ эту задачу? Если судить по плодамъ этого обученія, она вовсе ея не выполняетъ. Если ученикъ *отлично отвѣчаетъ* и отлично знаетъ фактическую сторону этого предмета, ходъ и развитіе фактовъ, ихъ хронологію и географію: чего же еще больше требовать? Задача *не въ этомъ только состоитъ*, она гораздо шире и глубже. Стоитъ вспомнить, что вѣдь есть же очень много людей, отлично изучавшихъ въ школѣ этотъ предметъ и даже хорошо знающихъ его, и однакоже кощуннически или съ полнымъ скептицизмомъ относящихся къ его содержанію.—Это, скажутъ, зависитъ отъ *вляянія общаго воспитанія* и образованія. Но тутъ-то и видна слабость *вляянія религіознаго обученія*. Вопросъ въ томъ, отъ чего зависитъ эта слабость и, въ частности, отъ чего *преподаваніе* (даже усердное и успѣшное съ фактической стороны, ведущее къ хорошему знакомству съ содержаніемъ этого предмета) *священной исторіи* при начальномъ обученіи не сообщаетъ нравственно-религіозному воспитанію *такой прочности*, чтобы оно и послѣ, при дальнѣйшемъ образованіи юношества, служило почвою высшаго религіознаго пониманія, научного изученія и точнаго усвоенія истинъ вѣры?—Отъ того, что воспитательная сила этого предмета не велика *вслѣдствіе систематическаго его преподаванія*. Факты исторіи имѣютъ глубокое воспитательное значеніе, *взятые въ отдельности*, но значеніе это уменьшается при систематическомъ ихъ изложеніи. Какимъ образомъ? Идея Божества и стороны этой идеи, при систематическомъ изложе-

ні фактовъ свящ. исторії, предъ сознаніемъ дѣтей раскрываются смѣшанно. Сегодня залкоучитель разсказываетъ о потопѣ и сыновьяхъ Ноевыхъ, завтра будетъ рассказывать о столпотвореніи и призваніи Авраама,—все въ хронологическомъ, неизмѣнномъ порядкѣ. Ученикъ долженъ усвоить такихъ разсказовъ болѣе сотни изъ Ветхаго завѣта, да столько же изъ Новаго. Послѣ каждого разсказа, соотвѣтственно его духу и при неопределенному чередованіи ихъ по внутреннему характеру, въ дѣтскомъ представлении или сознаніи возникаютъ тѣ или другія религіозныя мысли, порождается такое или иное чувство, т. е. то специфическое состояженіе общаго религіознаго сознанія и чувства, которое соотвѣтствуетъ содержанію, духу разсказа. Нѣкоторые составители учебниковъ свящ. исторіи пріобщали къ разсказамъ еще религіозно-моральныя сентенціи, именно соотвѣтственно содержанію каждого отдельнаго разсказа—и, конечно, ихъ разнообразіе и безконечное повтореніе вполнѣ соотвѣтствовали разнообразію и смѣшанному порядку разсказовъ.

Мы видимъ въ этомъ систематическомъ изложениіи свящ. исторії при начальномъ обученіи важный недостатокъ, съ общедидактической или, вѣрнѣе, педагогической стороны. Правда, такое изложеніе можетъ вести и ведеть къ знакомству съ фактами исторії (какъ упомянуто выше), но мы беремъ другую сторону дѣла. Именно: по важности предмета этого и при законченности программы начальной школы—содержаніе его настолько сложно и разнообразно, что задаетъ памяти дѣтей весьма нелегкую работу,—такую работу, которая тѣшаетъ воспитательному дѣйствию его, т. е. вліянію на сердечно-нравственную и религіозную сторону развитія души дитяти. Большая работа памяти и умственная дѣятельность (сравненіе, различеніе, уясненіе) въ данномъ случаѣ направляютъ душевное развитіе вовсе не въ ту сторону, въ какую требуется согласно задачѣ религіознаго обученія.

Другой недостатокъ этого способа обученія или преподаванія состоить въ томъ, что, благодаря хронологическому и систематическому порядку изложенія библейскихъ фактовъ, не можетъ выполнять важного методического требованія, именно перехода отъ бо-

лѣ легкаго и простаго къ болѣе трудному и сложному. Многіе рассказы, изучаемые дѣтьми въ началѣ, гораздо труднѣе для усвоенія, чѣмъ изучаемые позднѣе. Сравните наприм. рассказъ о *Товитѣ* съ рассказомъ объ Авраамѣ, рассказъ объ *Ловѣ* съ рассказомъ объ Иаковѣ, рассказъ объ *Илии* и *Елисея* съ рассказами объ исходѣ, путешествіи и вступленіи евреевъ въ землю обѣтованную,— и вы легко замѣтите изъ сравненія, что напечатанные курсивомъ легче для усвоенія, чѣмъ другіе, между тѣмъ, слѣдя хронологіи и системѣ, ихъ мы излагаемъ и изучаемъ какъ разъ въ обратномъ порядке.

V. Слѣдовательно.... какъ же еще изучать и излагать священную исторію? Не наоборотъ ли? — Именно *наоборотъ*, и мало того.... мы хотимъ поподробнѣе сказать объ эпизодическомъ курсѣ свящ. исторіи для начального (примѣрно годового) обучения при небольшомъ числѣ уроковъ. Въ чёмъ задача этого курса и каковъ долженъ быть его планъ?

Задача состоять во первыхъ въ такой обработкѣ священной исторіи, для начальной школы, чтобы она въ фактахъ своихъ яснѣ и правильнѣе раскрывала для дѣтскаго сознанія религіозную идею о Богѣ, сильнѣе и живѣе дѣйствовала на возбужденіе и укрепленіе въ немъ религіознаго чувства, какъ силы посторонней; во вторыхъ — въ томъ, чтобы дѣйствіе разказовъ воспроизводило и правильно дополняло тѣ именно стороны представлениія о Божествѣ и промышленіи Божества о мірѣ и человѣкѣ, къ какимъ безъ помощи догматического пріема, а лишь путемъ сближеній и по точнымъ даннымъ, находящимся въ предѣлахъ опыта и разумѣнія каждого человѣка, законоучитель можетъ привести своихъ учениковъ. Пояснимъ сказанное. Возьмемъ свящ. исторію Ветхаго завѣта.— а) Мы выбираемъ разказы, отличающіеся образностію и особенною чистотою содержанія. Это легко сдѣлать потому, что необходимое въ систематическомъ курсѣ въ интересахъ исторической полноты въ эпизодическомъ можетъ оказаться излишнею подробностію; и напротивъ ненужное для систематического курса въ эпизодическомъ можетъ быть уместно. Наприимѣръ, для первого изъ упомянутыхъ курсовъ важны разказы о раздѣленіи ханаанской земли, о Самсонѣ и даже о всѣхъ судьяхъ, для втораго же они лишни. Для первого изъ этихъ курсовъ

совъ излишняя подробность—рассказы о семи братьяхъ-мученикахъ и матери ихъ Соломії, объ Елеазарѣ, о Товитѣ, тогда какъ для втораго—это весьма пригодные рассказы, по высотѣ религіознаго содержанія и чистотѣ образовъ. б) Для эпизодическаго курса подбираемъ такие разсказы, въ которыхъ рельефнѣе раскрывалась бы идея промысла Божія о людяхъ, заступничества за бѣдныхъ и угнетаемыхъ, идея любви и милосердія Его,—съ меньшимъ числомъ повѣствованій о судѣ или правосудіи Его. Таковы разсказы о вдовицѣ при Иліи во время голода, о трехъ отрокахъ въ пещи, объ Іосифѣ и т. п. Далѣе, для эпизодическаго курса выбираемъ разсказы, изъ которыхъ яснѣе можно было бы видѣть, что промыселъ Божій о народѣ Еврейскомъ былъ въ тоже время промысломъ, выражениемъ попеченія Божія о воспитаніи всего человѣчества. Въ этомъ отношеніи важны разсказы объ Іовѣ, объ Агари въ пустынѣ съ ребенкомъ, объ Іоеворѣ, и т. п. Небольшое число такихъ разсказовъ можно восполнить нѣкоторыми свѣдѣніями изъ общей исторіи, въ интересахъ воспитательныхъ.

Планъ эпизодическаго курса состоять въ томъ, а) чтобы, разорвавъ хронологическую связь событий библейскихъ и даже взаимное ихъ отношеніе, расположить разсказы о нихъ въ порядкѣ сообразно съ общими методическими требованіями. Именно, мы располагаемъ прежде тѣ разсказы, которые проще по содержанію и по мысли нравоучительной, т. е. содержаніе и идея которыхъ болѣе доступны дѣтскому пониманію; потомъ помѣщаемъ разсказы, болѣе сложные по содержанію и не такъ легко понимаемые по отношенію къ выражаемой нравоучительной мысли. Дѣти лучше понимаютъ и легче воспринимаютъ повѣствованія о лицахъ отдѣльныхъ, чѣмъ о сложныхъ событияхъ или народахъ. Поэтому, въ эпизодическомъ курсѣ должны играть главную роль отдѣльные личности, по своимъ качествамъ, по жизни и выдающимся стремленіямъ могущія быть носителями истиннаго религіознаго пониманія и истиннаго богопочитанія.—Что касается хронологіи или связи событий по времени, то при общемъ ея нарушеніи можетъ сохраниться хронологическая послѣдовательность въ группировкѣ событий по отдѣламъ. Этотъ планъ требуетъ б) чтобы группировка разсказовъ соотвѣтствовала опредѣленнымъ

нравственно-религіознымъ идеямъ, развивающимъ предъ сознаниемъ учащагося, причомъ хронологическая, біографическая и географическая указания могутъ быть дѣлаемы отдельно для каждого рассказа или группы рассказовъ. Именно нельзя съ педагогической точки зренія оправдывать *смъшанного и неопределеннаго чередованія этихъ идей въ выводахъ*. Гораздо педагогичнѣе сконцентрировать ихъ дѣйствіе, и этичъ дать ему воспитывающую силу, прочное влияние на чувство и сознаніе дѣтей. *Какія категоріи нравственно-религіозныхъ мыслей должны быть для этого выбраны* — это зависитъ отъ содержанія біблейскихъ рассказовъ, и едва ли можно указать хоть одну нравственную или религіозную мысль, которая не раскрывалась бы двумя-тремя рассказами. Что касается *порядка* этихъ категорій, то онъ зависитъ и долженъ быть установленъ согласно съ общепедагогическими и дидактическими началами.

VI. Безъ эпизодического обучения исторіи невозможно правильное обученіе или объясненіе самаго большаго числа нашихъ христіанскихъ молитвъ и пѣснопѣній. Законоучитель объясняетъ дѣтамъ „Достойно есть“... или „Величитъ душа моя“... — а когда-то онъ разскажетъ ясно о Св. Дѣвѣ? да и достаточенъ ли будетъ *одинъ* разскѣзъ о ней?! Не нужно ли будетъ соединить нѣсколько разскѣзовъ — о прародителяхъ людей, о патріархѣ Іаковѣ и о Св. Дѣвѣ? Законоучитель объясняетъ заповѣди. Не лучше ли прежде этого воспроизвести рельефно и живо исторію Синайского законодательства? Законоучитель объясняетъ *символы вѣры*. Не лучше ли прежде разскѣзъ объ ученикахъ Спасителя и ученіи Его вообще, о судьбѣ ученія и ересяхъ? Вообще правильное воспитывающее усвоеніе дѣтьми содержанія и духа молитвъ не мыслимо безъ исторіи. Систематическое обученіе исторіи продолжительно и не можетъ *идти параллельно съ объясненіемъ молитвъ*. Что же остается предпринять? Предоставить на страхъ самимъ учителямъ закона Божія выходить изъ затрудненія, какъ знаютъ и умѣютъ? Не лучше ли дать дѣлу правильный, однообразно выработанный для всѣхъ школъ складъ и строй? Безъ сомнѣнія, лучше.

Можно возразить во первыхъ: слѣдовательно для Закона

Божія требуется прибавить урочные часы, ради эпизодического курса? — Нѣтъ. Со введеніемъ такого курса, хорошо и цѣлесообразно составленного для начального класса (перваго, или, гдѣ есть приготовительные классы — приготовительнаго), значительно облегчится изученіе исторіи въ слѣдующемъ классѣ. Поэтому естественно, часть времени, посвященнаго на прохожденіе систематического курса, удобно можетъ быть отдана *курсу эпизодическому съ объясненіемъ молитвъ*. Потери времени нѣтъ, повторенія излишняго не будетъ, а будетъ только выигрышъ времени и труда, такъ какъ изученіе въ обоихъ случаяхъ облегчится, и кромѣ того внесетъ въ обученіе развивающій элементъ и единство. Во *вторыхъ*: не произойдетъ ли вслѣдствіе такой постановки обученія свящ. исторіи излишней концентраціи учебнаго матеріала? Концентрація *можетъ* произойти, но излишней она не будетъ. Излишней концентрація произойти не можетъ уже потому самому, что вѣдь и въ свящ. исторіи есть многіе отдѣлы, которые при первоначальномъ обученіи или весьма трудно проходить, по сложности и запутанности событий, или которые не особенно важны для цѣли воспитательной, каковы напр. рассказы о путешествіи евреевъ по пустынѣ, о временахъ римскаго владычества, о царствованіи и лицѣ Соломона, объ Ахавѣ и Іезавели и т. п.

А. Гассіевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки